

СЛЕДЫ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ А.ПЛАТОНОВА В ЕГО ПОВЕСТИ «ДЖАН»

(Las huellas de las anotaciones de A. Platonov en su obra «Dzhan»)

©Серик Ш.Тахан

*Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева, Астана
(Казахстан)*

Serik Sh.Takhan

Universidad Nacional Euroasiática “L. N. Gumilev”, Astaná
(Kazajstán)

ISSN: 1698-322X

Fecha de recepción: 8.06.2012

Fecha de evaluación: 28.07.2012

Cuadernos de Rusística Española n° 8 (2012), 249 -257

ABSTRACT

The article looks into A. Platonov's diary entries and essays as they are reflected in the ideological and artistic structure of his novel “Jan”, as well as the extent to which the concepts outlined in the diaries influence the plot. With sufficient evidence a connection is traced between the artistic ideas stated in the story and the general evolution of the author's views on the origins and prospects of social changes in Eurasia as seen in the diaries.

Keywords: diary, discourse, author's voice, the poetics of corporeality, jan-soul, character.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается проблема отражения материалов дневниковых записей А.Платонова в идейно-художественной структуре повести «Джан». Определяется степень влияния намеченных в дневниках концептов на сюжет. Доказательно представлена связь утверждаемой художественной идеи в повести со следами общей эволюции воззрений автора на истоки и перспективы социальных изменений в евразийском пространстве в дневниках.

Ключевые слова: дневник, дискурс, авторский голос, поэтика телесности, джан – душа, образ.

Платонов начал вести дневники, по всей видимости, с 1921 года. Именно к этому году относятся первые дневниковые записи мыслей о прочитанном, продуманном, вынесенном от впечатлений жизни. После длительного перерыва (1922-1927) у писателя снова появляется интерес к дневниковым записям. Возобновленная авторская нужда в творческой самокоррекции и накопления фактографического материала к своим художественным произведениям в форме дневниковых записей подтверждается последующей активностью в ведении дневников все 30-е годы вплоть до 1944-го.

В нашем распоряжении имеются 24 книжки дневниковых записей, разрозненные листы из «Записей разных лет», а также текстовые фрагменты, объединенные общим заглавием «Из записной книжки».¹

1. ПЛАТОНОВ, АНДРЕЙ (2000): *Записные книжки. Материалы к биографии*. Наследие. Москва.// <http://uni-persona.srcr.msu.ru>

Восприятие дневников как некоего целостного дискурса со смысловой центростремительностью затруднено из-за обрывочности фраз, незавершенности мысли в набросках, предельной схематичности изложения оригинальных, порой парадоксальных, мотивов, сюжетов и идей. Вместе с тем ряд сквозных мотивов, вычленяемых в дискурсе дневников, позволяет в известных пределах интерпретировать дневники как текстовое единство, углубляющее понимание психологии всего творчества Платонова и, в частности, проливающее свет на генезис ведущих идей его произведений.

Красной нитью через все записные книжки проходят идеи, навеянные воздухом эпохи революционных потрясений 1917-1920-х годов в России, возбужденные накалом интеллектуальных страстей по поводу кризиса традиционного европейского гуманизма, начиная со второй половины XIX и кончая периодом революционных потрясений первой трети XX века. Следы активных и напряженных поисков диаристом путей духовно-нравственного возрождения человечества в контексте его сознательных устремлений лично способствовать утверждению коммунистических идеалов прослеживаются во всех дневниковых набросках, как впрочем, с самого начала в них обозначаются и истоки его скоро зародившегося и неуклонно укреплявшегося скепсиса в отношении перспектив социальной революции в России.

В дневниковых записях 1934-1935 годов (10, 11 и 12 книжки) в достаточно верифицируемой степени представлена творческая лаборатория повести А.Платонова «Джан», написанной им по материалам поездки в Туркмению в составе делегации Союза писателей СССР. Автор в «Джане» повествует о том, как коллективный русский опыт восхождения в заоблачную высь несбыточной мечты о скором рае на земле находит свое трагически-фарсовое подражание в азиатских национальных космосах. Работа Платонова над повестью свидетельствует, что русский мир духовности не заслоняет в его художественных размышлениях горизонты философских прозрений народов Европы и Азии, а, наоборот, позволяет выходить на новые совмещенные смыслы человеческого существования, обогащающие русскую культуру мысли о человеке вообще.

Основная тема всего творчества Платонова – октябрьская революция – в повести интерпретируется как евразийская утопия, уродливо совмещенная с объективными запросами мирового прогрессивного развития.

Материалы дневниковых записей 1934-1935 годов (10, 11 и 12 книжки) преимущественно связаны с туркменской тематикой, в плане возникающих в дискурсе элементов художественной образности и восточноориентированных концептов прямо связаны с творческой лабораторией повести «Джан», в которой определенные речевые срезы из трех дневниковых текстов очевидно трансформированы в динамическом единстве речи, называемом образом автора.² В структуре текста повести «Джан» мысли и наблюдения из дневников в завершенном и отточенном виде служат маяками идеологического направления, помогают выразить определенное то, что хочет автор донести читателю.

2. БАХТИН, М.М. (1979): *Эстетика словесного творчества*. Искусство. Москва, с.289

Принцип соотнесения дневниковых записей с художественным текстом двупланов: выявление прямых или близких текстуальных совпадений; вычленение константно-номинативных лексем в дневниковых текстах, образующих в повести «Джан» семантические поля.

По частотности употребления базовых концептов дневниковые записи 1934 года можно условно разделить на следующие рубрики: пустыня; Азия; современная Платонову Туркмения, туркмены и туркменки, этно-психологические портреты; история Туркмении, из которых две первые выделены объектом нашего исследования в аспекте привлечения автором в текст повести «Джан» содержательных концептов и потенциально эстетически значимых элементов.

Пустыня. Однообразие ландшафта с редкими оазисами, жара, скудность флоры, почти отсутствие фауны, контрастное чередование явлений природы с преимущественным засилием ветра, цветовая монотонность ареала (из записной книжки: «Над пустыней, над плоскогорьями – облака желтые, смертные, над морем – светлые, ясные (Красноводск)», «Мечта о предгорьях Копет-Дага, о берегах Аму, как о прохладном рае», «Бугристые пески», «Ветер, пастух песков», «Каракумское забвение (оазис)», «Растения – эфемерны, их убивает жара и сносит ветер без следа»).

Все эти впечатления в объективированных автором фоновых пейзажах повести служат максимальному остранению узнаваемых вещей и явлений в повести, настраивают на замедленно-вдумчивое восприятие движения мысли на фоне почти статичных картин внешнего мира.

Персонификация пустыни в образе матери, концептуально сближающаяся с идеей обреченности Назара Чагатаева на поиски матери в пустыне (из записной книжки: «Сколько бы ни лить воды в пустыню: она не повеселеет. Пустыня – мать скудная и худая», «Худая пустыня, [рас] давно рассыпавшая свои кости в прах и прах истратившая на ветер»).

Здесь, возможно, зерно замысла повести «Джан». Народ – изгой пустыни джан, потерявший чувство жизни в бесконечных страданиях в борьбе за существование, в глазах Назара Чагатаева равновелик его матери Гульчатай, в которой давно иссякли всякие душевные силы.

Виртуальный образ Гульчатай расширяется до пределов архетипа Родины – пустыни, скупой на родительское чувство, но требующей сочувствия судьбе, участия в ней. Мать – это душа, само возникновение которой невозможно вне пустыни, так как последняя и структурирует джан – душу, как скелет несет тело. Силы души Гульчатай (народа джан) соразмерны возможностям пустыни поддерживать их. Но и пустыня истончится и перестанет существовать, если ее дети не будут питать своими телами формы существования пустыни.

В художественном пространстве повести Гульчатай впервые предстает номинативно в первой главе, когда Назар Чагатаев на вечере по случаю окончания Московского экономического института довольно неожиданно произносит вслух ее

3. ПЛАТОНОВ, АНДРЕЙ (2000): *Записные книжки. Материалы к биографии*. Наследие. Москва.// <http://uni-persona.srcc.msu.ru>, с. 137-142

4. Там же, с. 132

имя, и на вопрос, что это такое, отвечает: «Гульчатай – моя мать, горный цветок. Людей называют, когда они маленькие и похожи на все хорошее»⁵.

Но собственно образное явление персонажа происходит в начале второй главы в воспоминаниях Назара Чагатаева о родине – Туркмении. Мать оставляет сына в поле, чтобы он пошел на чужбину и спасся от голодной смерти. Ребенок надрывно просит разрешить ему остаться с ней, но Гульчатай неумолима.

В этих первых же воспоминаниях Назара Чагатаева о родине образные сферы матери и пустыни-родины совмещены: «Та детская страна находилась в черной тени, где кончается пустыня; там пустыня опускает свою землю в глубокую впадину, будто готовя себе погребение, и плоские горы, изглоданные сухим ветром, загораживают то низкое место от небесного света, покрывая родину Чагатаева тьмой и тишиной. Лишь поздний свет доходит туда и освещая грустным сумраком редкие травы на бледной засоленной земле, будто на ней высохли слезы, но горе ее не прошло»⁶. Здесь очевиден мотив пустыни – могилы, корреспондирующий с семантических узлом «кости – прах – ветер» из дневника.

Следует заметить, что стиль Платонова, характеризующийся предельным сгущением смыслов через наслоение абстрактных и конкретных понятий, просторечных штампов и возвышенных речевых фигур, оксюморных словосочетаний и анаколута, навязчивых повторений отдельных слов и словосочетаний, особенно лейтмотивных в авторском идиолекте, допускает постоянное присутствие автора на синтагматическом уровне и одновременно моделирует неповторимый поэтический мир, полный иных «голосов» и образно персонифицированных духовно-нравственных исканий. Везде авторская речь, но всегда он (автор) говорит непрямо (М.М.Бахтин: «Писатель это тот, кто умеет работать на языке, находясь вне языка, кто обладает даром непрямого говорения»)⁷.

В связи с лексемой «кости», часто встречающейся во многих произведениях Платонова, будет небезынтересна следующая запись в дневнике еще за 1931 год: «Что эти кости делали, когда на них тело было»,⁸ подтверждающая устойчивость авторского интереса к теме смерти в обозначенном ракурсе. В повести: «Странные скрипящие звуки шли из тела матери; сухие кости ее скелета с трудом и болью преодолевали трение друг о друга. Гульчатай медленно далилась, помогая себе двигаться тем, что касалась руками земли и гребла ими назад песок».⁹

В повести находит развитие оригинальная поэтика телесности, когда все метафизические вопросы человеческого существования фокусируются на остаточном материальном субстрате жизни тела и духа. Происходит интериоризация всего

5. ПЛАТОНОВ, А.П. (1978): *Избранные произведения. В 2 – х томах. Рассказы 1921 – 1934. Повести.* Художественная литература.Москва, с.430

6. Там же, с.436

7. БАХТИН, М.М. (1979): *Эстетика словесного творчества.* Искусство. Москва, с.289

8. ПЛАТОНОВ, АНДРЕЙ (2000): *Записные книжки. Материалы к биографии.* Наследие. Москва.// <http://uni-persona.srcc.msu.ru>, с.69

9. ПЛАТОНОВ, А.П. (1978): *Избранные произведения. В 2 – х томах. Рассказы 1921 – 1934. Повести.* Художественная литература.Москва, с.498

многообразия жизнедеятельности с ее устремленностью в духовное бесконечное в пределах конфигурации скелета и функциональных движений ее составляющих или в пространстве обозрения костных останков. Сознательно размывается общепринятая грань между жизнью и смертью, относительная устойчивость скелета перед тлением допускает мысль о продолжении жизни в таком виде, более, предпочтительности и вождельности такой «жизни» в перспективе достижения вечности. Сама категория духовности подменяется абсолютным стремлением законсервировать бранные останки человека.

В повести «Джан» эта поэтика обогащается мыслью панкосмического продолжения существования человека в мирадах песчинок, в которые растерты его кости. Сама пустыня с ее климатическими составляющими, флорой и фауной, элиминирует идею смерти как таковую. Если песок символ времени, аналог вечности, то Гульчатай гребет костью руки песок и преодолевает время.

Азия. Бескрайняя географическая страна контрастов, преобладание пустых пространств, малочисленные горные образования, особенно усиливающие впечатление безмерности этой части земли, мигрирующие реки как слабо пульсирующие артерии жизни. Из записной книжки: «Подъем на горы увеличивает тоску (глина, безродн<ость>, вековая пустошь», «Горы Азии (Копет-Даг, другие), это родина и моя», «Амударья, река человечества. Бродячее русло. Древняя драма вокруг Аму все еще длится и не закончена. Уйти от Аму – умереть. Жить у нее – быть растерзанным людьми»¹⁰.

Семантические пучки абстрактных понятий (тоска, родина, человечество) в близком сопровождении географических номинаций и понятий, присутствующих в записках, в контексте повести «Джан» разовьются в субъективно окрашенные жизненно-философские формулы, соединяющие тревожную мысль автора об опасности для судеб цивилизации всеобщего отчуждения в ходе революционного эксперимента в России с представленной в исканиях Назара Чагатаева трагедией поиска смысла существования затерянного в песках народа джан, для которого коммунизм, исповедуемый новоявленным героем-мессией Назаром Чагатаевым, еще одно испытание.

Назар Чагатаев в конце повести находит временное отдохновение изболевшейся душе в соприкосновении к по-детски чистому миру души девушки Ханом. Юная туркменка в глазах Назара Чагатаева предстает воплощенным идеалом возрожденной Гульчатай. Ханом тоже из племени джан, но родилась в преддверии нового времени, времени начала, по представлению Чагатаева, истории народа джан, потому в отличие от Гульчатай способна родить от него первого свободного джан. Но так ли это?

Вот как автор знакомит читателя с героиней: «Около мусорного ящика, прислонившись к нему, стояла туркменская девушка; она прижимала рукою яшмак ко рту и смотрела далеко поверх базарного народа. Чагатаев тоже поглядел в ту сторону – и увидел на краю пустыни, низко от земли, череду белых облаков, или то были снежные вершины Копет-Дага и Парапамиза, или это было ничто,

10. ПЛАТОНОВ, АНДРЕЙ (2000): *Записные книжки. Материалы к биографии*. Наследие. Москва.// <http://uni-persona.srcc.msu.ru>, с.137

игра света в воздухе, кажущееся воображение далекого мира. О чем же думала сейчас душа этой девушки, – неужели до нее не жили старшие люди, которые за нее должны бы передумать все мучительное и таинственное, чтобы она родилась уже на готовое счастье? Зачем раньше ее люди жили, если она, эта туркменская незнакомая девушка, стоит теперь озадаченная своей мыслью и печалью?»¹¹

Образ Ханом сначала воспринимается главным героем повести как эманация светлого будущего, своеобразное опровержение неумолимости груза рабского прошлого в отверженных и отчаявшихся душах, разбуженных революционным призывом к свободе, устойчиво ассоциируемой автором с пребыванием в небесных сферах. Но неуловимо картина символа воспарения духа – горной вершины в восприятии Чагатаева, умудренного опытом разочарований в своих мессианских помыслах, трансформируется в мираж, а интерпретация героем впечатлений Ханом по сути развернутая метафора тоски (ср.: «Подъем на горы увеличивает тоску...»). Нетрудно с помощью анализируемой несобственно-прямой речи реконструировать образно архивированные в дневниковой записи авторские интенции в данной структурной единице художественного текста.

Авторский голос здесь усилен путем нехарактерного для общего стиля форсирования вопросительных интонаций. Это не только внутренний монолог героя, чему очевидное доказательство смещение повествовательной точки зрения. Чагатаев, хотя и сын русского отца, уже не отделяет себя от туркмен, он уже внутри племени джан, поэтому не может позволить себе даже в потоке сознания мыслить о джан в третьем лице. В данном отрывке из текста повести многое указывает на авторское всеведение. Можно говорить об оценочности переживаемой Чагатаевым ситуации извне.

Таким образом, настроение фатальной предопределенности несчастной жизни народа джан должно быть соотнесено с общей эволюцией воззрений автора на истоки и перспективы социальных изменений в евразийском пространстве. В период работы над повестью «Джан» Платонов уже не питал иллюзий относительно конструктивного потенциала разбуженной революцией энергии бедняцких масс, совершенно трезво оценивал масштабы нравственного ущерба, нанесенного русскому национальному самосознанию. Но ритм его художественного стиля еще нес в себе память о восторге бурлением «яростного мира», в котором самые буйные социальные фантазии и немыслимые прожекты общежития этносов казались легко и быстро достижимыми. Отсюда и особая лирическая проникновенность по сути авторских размышлений, где эфемерность впечатлений от вида гор (ассоциативная цепочка: Копет-Даг – ничто – кажущееся воображение далекого мира) только усиливает интонации сочувствия экзистенциональным проблемам, с которыми столкнулись герои (Чагатаев, Ханом).

Следует остановиться подробнее на заметке из дневника, тематически связанной с мотивом воды как основы жизни в Азии. На первый взгляд парадоксально в дневнике тема крупнейшей реки Азии Амударьи разрастается до масштабов

11. ПЛАТОНОВ, А.П. (1978): *Избранные произведения. В 2 – х томах. Рассказы 1921 – 1934. Повести.* Художественная литература. Москва, с. 524-525

раздумий о истоках исторического времени человечества, впервые заявившего о себе как окультуривающем планетарном факторе древнейшими околупустынными цивилизациями. Из дневника: «Тайна Азии культура произошла от самых гонимых, робких людей, [при]загнан-ных воинами девств<енных> степей, свежими великанами – к самым нелюдимым, тяжелым местам мира – скажем, Амударье. От тяжести условий была создана культура. Но и только. Эта родина человечества очень условна. Счастливая жизнь прошла в других местах, и историч<еской> памяти о них не осталось; Возможно, что Азия всегда была малонаселенной в некото-р<ых> частях и пустынной. Именно это способствовало созданию высоких культур, [уменьшения] путем уменьшения напряжения взаимно-человеческой борьбы, благодаря закрытию перспектив к материальному обогащению (песок, безводие, небольшой ассортимент продуктов и т.п.). Наоборот – появление масс населения (Тимур и т.п.) сейчас же заставляло сбрасываться войнами на Запад, в Европу, где уже шло совсем другое дело, а Азия в пустынях своих опять успокаивалась на некотором терпении и минимуме».¹²

Следуя логике мысли Платонова, определенно явленной в дневниковых записях, впервые человечество осмыслило и наполнило верным содержанием культуру в древней Азии, и этот феномен не допускал по определению избыточности ни в потреблении, ни в духовном самовыражении человека. Объективная невозможность экстенсивного развития форм хозяйственной деятельности людей минимизировала материальные запросы, стимулировала на предельно экономное использование мыслительных и физических сил и интенсификацию духовных исканий, вылившихся в уникальные памятники зодчества и поэтического слова, в философию пассивного созерцания и вневременной рефлексивности. Но самое главное, не бесконечные истребительные войны, а века каждодневного рабского труда создавали материальные основы человеческой цивилизации.

Река как тотальное условие существования и единственно реальное благо отменяла вообще идею соревновательности в обладании другими благами, направляя энергию людей в русло коллективного выживания, причем в ограниченных возможностях реки поить количество. Не борьба между людьми, а борьба людей с жестокими природными ограничениями за выживание породила самые верифицируемые духовные ценности.

В анклавах, созданных реками Азии, где регулировалась не только численность выживающих, но и пределы их отприродных разрушительных агрессивных инстинктов, и возникли впоследствии безлико задолженствовавшие в человеческом общежитии категории добра, милосердия и красоты.

Именно такой алгоритм мысли отчасти воплощен в поэтической структуре размышлений Назара Чагатаева, набредшего на развалины древнего поселения в пустыне около протоки: «Неужели и его народ джан ляжет вскоре где-нибудь вблизи и ветер покроет его землей, а память забудет, потому что народ не успел ничего воздвигнуть из камня или железа, не выдумал вечной красоты, он лишь копал

12. ПЛАТОНОВ, АНДРЕЙ (2000): *Записные книжки. Материалы к биографии*. Наследие. Москва.// <http://uni-persona.srcc.msu.ru>, с.139

землю в каналах, но течение воды вновь их заносило. И народ опять рыл наносы и выкидывал лишний грунт из воды, а затем мутный поток осаживал новый ил и опять бесследно покрывал их труд».¹³

Следует вспомнить предшествовавшие представленному семантическому ряду сюжетные обстоятельства, без которых его философское содержание будет раскрыто далеко не полно. Чагатаев теряет внутреннюю опору в своей убежденности в посильности для него, да и, видимо, необходимости спасения народа джан, когда получает известие о смерти Веры в Москве, будущего оплота его духовно-осмысленного существования, происходит надлом его психики.

Он слышит, как «шло большое звездное время, что безвозвратно проходит, считая свои отмирающие части...».¹⁴ Равновеликий бессмертию в своих помыслах соединить всех живых и мертвых джан в коммунистическом движении к счастью в вечности, он вдруг озаряется трагической догадкой о предопределенности своего поражения в борьбе и во времени, и со временем. Но здесь неожиданно ему на помощь приходит история. В темени ночи по мерцающей пыли от света луны Чагатаев выходит на древнюю караванную дорогу от Хивы в Афганию. «Та дорога лежит брошенной уже целые века, она идет по твердым, набитым пескам...».¹⁵ И именно двигаясь в направлении к этому пути он «вышел на сухой, чистый, обдутый ветрами курган, под которым лежал в своей могиле какой-нибудь забытый археологический городок»¹⁶ – место древнего поселения.

История не терпит сопротивления своим законам, в ней в равной мере благословенны и воля и смирение, смысл только в деятельности, но результат всегда один – смерть и забвение, в ней нет возврата к прошлому, равно как и возможности ускорения в будущее, она рано или поздно уравнивает плоды и созидания, и разрушения, память истории вбирает в себя и воздвигнутые артефакты из камня и железа, и запорошенные пылью времени ирригационные каналы, истинный смысл «высокой культуры» заключается в выработанной человеческим духом счастливой способности «верить, видеть сны и воображать недействительное».¹⁷

Использование автором дневниковых материалов в художественной структуре провести «Джан» способствует осуществлению такой медитации повествования,¹⁸ когда на первый план выходит глубоко индивидуализированная историко-философская мысль большого гуманистического содержания. Заметный корпус фраз и лексем из дневников Платонова 1934-1935 годов перенесен в текст повести «Джан» и образует в ее тексте семантические поля. Предпринятое нами исследование влияния этих полей на идейно-художественную структуру шедевра показывает, что авторский

13. ПЛАТОНОВ, А.П. (1978): *Избранные произведения. В 2 – х томах. Рассказы 1921 – 1934. Повести.* Художественная литература. Москва, с.474

14. Там же, с.472

15. Там же, с.473

16. Там же, с.473

17. Там же, с.474

18. ГРЕЙМАС, А.Ж. (1985): *В поисках трансформационных моделей // Зарубежные исследования по семиотике фольклора.* Наука. Москва.

камертон повествования как преимущественно неспешного размышления в духе восточных медитаций идеально соответствует творческой задаче повести показать абсолютную несовместимость расхожих коммунистических представлений о ходе и результатах октябрьского революционного эксперимента с реальной социально-исторической картиной жизни туркмен раннего советского периода. Также важно отметить значение намеченных в дневниках концептов для развития главных линий психологического сюжета повести, связанного с диалектикой сознания главного героя – Назара Чагатаева.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАХТИН, М.М. (1979): *Эстетика словесного творчества*. Искусство. Москва.
- ВАСИЛЬЕВ, В. (1990): *Андрей Платонов: Очерк жизни и творчества*. Москва.
- ВОЛОЖИН, С. (2000): *Тайна Платонова*. Хронос. Москва.
- ГРЕЙМАС, А.Ж. (1985): *В поисках трансформационных моделей // Зарубежные исследования по семиотике фольклора*. Наука. Москва.
- ПЛАТОНОВ, АНДРЕЙ (2000): *Записные книжки. Материалы к биографии*. Наследие. Москва. // <http://uni-persona.srcc.msu.ru>
- ПЛАТОНОВ, А.П. (1978): *Избранные произведения. В 2 – х томах. Рассказы 1921 – 1934. Повести*. Художественная литература. Москва.
- СКАКОВ, Н. (2011): *Пространства «Джана» Андрея Платонова* // Журнальный зал НЛО. № 107 <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/107/sk26.htm>
- ЧАЛМАЕВ, В.А. (1989): *Андрей Платонов: К сокровенному человеку*. Советский писатель. Москва.
- ЦВЕТКОВ, А. (1999): *Андрей Платонов – пограничный писатель* // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып.3. Москва. С.381.